

Хелег Харт, Яна Левская

Мгновение

Научно-фантастическая повесть

16+

Хелег Харт

Мгновение

«Автор»

2017

Хелег Харт

Мгновение / Хелег Харт — «Автор», 2017

В 23 веке у человечества не осталось причин для страха. Войны позади, экология восстановлена, новые технологии решили проблемы перенаселения и недостатка ресурсов. На Земле установилось относительное спокойствие. Прогресс даровал людям уверенность в завтрашнем дне. Но не случится ли так, что он же её и отнимет? В засекреченном научном комплексе ведутся разработки технологии, которая способна перевернуть существующие порядки с ног на голову. На очередной стадии исследований туда прибывает Рун Этингер - учёный, приглашённый в проект на роль аналитика. И с самого первого дня он начинает подозревать: в комплексе происходит что-то очень нехорошее. Впрочем, было бы странно ожидать, что вокруг столь важного изобретения не заведётся интриг и хитроумных подковерных игр...

© Хелег Харт, 2017

© Автор, 2017

Яна Левская, Хелег Харт

Мгновение

1

Рун коснулся пальцами экрана, подтвердив завершение поездки и оплату. Раздвижная дверь электромобиля открылась, и в салон толкнулся августовский жар. Ветер пах солью и водорослями. Вдалеке галдели чайки. Ослепительно синее небо растеклось светло-голубой дымкой по линии горизонта. Подхватив портфель, Этингер вышел. Дверь с тихим щелчком встала на место, шашечки на крыле такси засветились зелёным, и электромобиль уехал на следующий вызов. Проследив за серебристой каплей, быстро скользящей к материку по стальной дуге моста, Рун отвёл взгляд и, недоумевая, осмотрелся.

Он стоял на полукруглой площадке парковки, поднятой на сваях выше уровня прилива, временами достигавшего здесь – на французском побережье Бискайского залива – пяти метров. Внизу над волнами виднелись россыпи камней. Солнце высветило мелководье до бирюзово-зелёного – вода убывала. Чайки металась над морем, поднимая суматошный гвалт, хватали не успевших уйти на глубину рыб. Этингер с наслаждением вдохнул – он давно не был у моря. Но ему хотелось, чтобы поездка оправдала себя чем-то более существенным, чем приятное времяпровождение. Пока же предпосылок к этому было мало.

В конце вытянутой парковки начинался спуск к типичной морской ферме, с тремя уровнями смещённых кольцевых террас, уходящих в воду, и с дюжиной колонн, обвитых трубками фитобиореакторов. Рун уже потянулся к наручному коммуникатору, чтобы проверить адрес, стоявший в приглашении, но сдержался. Вместо этого он провел пятернёй по коротким непослушным волосам, растрепав их больше прежнего, и бодро зашагал через площадку. Чем быстрее разберётся с явным недоразумением, тем меньше времени потратит. В письме упоминались некие исследования, и Рун не сомневался, что здесь они проводятся в том или ином масштабе, но каким боком микробиология могла соотноситься с историей, чтобы к работе привлекли его – доктора исторических наук – Этингер даже представить не мог.

Замедлив шаг перед входом, Рун подивился размаху надписи, составленной из огромных отполированных до блеска стальных букв: “Agens corp”. Амбициозно, как для посредственной фермы, одной из многих, специализирующихся на производстве косметики и пищевых добавок.

“Что ж, заглянем”. – Этингер кивнул и шагнул к двери.

Одежда едва успела выровнять баланс температур соответственно погоде, как Рун уже вошел в здание, и датчики снова отправили по телу еле ощутимые импульсы, измеряя теплообмен. Просторный холл пустовал. В противовес наглухо закрытому фасаду, встречавшему посетителей со стороны парковки, стена внутреннего периметра оказалась полностью остеклена и открывала вид на залив. В центре зала из пола вырастали нитевидные ярко-зеленые водоросли, которые сплетались и расплетались, струясь в водном потоке. Датчики отреагировали на посетителя, и голограмма вышла из режима заставки. Вместо водорослей появилась молодая женщина, сквозь вежливую улыбку которой потёк малоинтересный рассказ о заслугах конкретной фермы в производстве омолаживателей. Рун отвернулся и отыскал взглядом приёмную стойку. Словно только и ждал, когда на него обратят внимание, замерший за ней андроид вышел навстречу и произнёс:

– Мы рады приветствовать вас. Пожалуйста, назовите цель своего визита.

– У меня назначена... встреча, – уже сказав это, Этингер понял, что интонация получилась скорее вопросительной, чем утвердительной.

К счастью, робот распознал ответ верно. Он приблизился, активировал сенсорный экран на груди, и Рун, не дожидаясь просьбы, коснулся ладонью очерченного поля.

– Добро пожаловать, доктор Этингер. Доктор Флагстад извещён о вашем прибытии. Прошу, пройдите в зону ожидания.

“Флагстад, – припомнил Рун, опускаясь в одно из эластичных кресел. – От его имени и пришло письмо. Значит, никакой путаницы нет, и я оказался здесь не по ошибке”.

Это открытие ещё больше сбilo Этингера с толку. Он снова глянул на не в меру улыбчивую голограмму, которая не зная усталости нахваливала продукцию “Эйдженс корп”, и усмехнулся. Уж не хотят ли они заказать фальшивое историческое исследование косметологии, чтобы потом использовать его в качестве рекламы? Если так, то их ждёт горькое разочарование. Сильнее заказных статей Рун ненавидел только умышленное перевирание истории.

Время шло. Принимать гостя, умасливать посулами и посягать на его принципы никто не торопился. Заскучав, Рун активировал коммуникатор и начал просматривать новости.

– Уже лет пятнадцать не видел таких, – раздалось вдруг за спиной.

Этингер оглянулся, поднимаясь.

Мужчина в светло-серых брюках и белой рубашке, стоявший в двух шагах от кресла, кивнул на браслет коммуникатора на запястье Руна. По виду ему было около пятидесяти, светло-русые с проседью волосы зачёсаны назад, лицо почти без морщин, как бывает у людей, редко смеющихся.

– Не доверяю современной технике, – сдержанно улыбнулся историк, выключая голографическую проекцию экрана и протягивая ладонь. – Рон Этингер.

– Вы хотели сказать, Рун? – светлые, почти бесцветные глаза едва заметно сузились.

Рун поморщился и пояснил:

– Привычка, извините. Люди проще воспринимают имя “Рон”, поэтому им я обычно и представляюсь.

Мужчина кивнул, пожимая руку.

– Йонас Флагстад. Знаете, Рун, вы больше похожи на актёра большого экрана, чем на учёного.

– Приму за комплимент, – кивнул Этингер.

Внешность историка уже не в первый раз выделили подобным образом: от родителей Руну достались нордические черты и глубоко посаженные глаза, что придавало его взгляду некоторую твёрдость и даже резкость. Склонность одеваться броско ещё больше приближала Этингера к образу человека, привыкшего к объективам телекамер. И только те, кто хорошо его знал, понимали, насколько это впечатление обманчиво.

– Это он и был, – на лице Флагстада мелькнула улыбка. – Если не возражаете, перейдём сразу к делу. Одна из переговорных сейчас как раз должна быть свободна.

– Конечно.

Они покинули приёмную, миновали широкий светлый коридор и вошли в небольшую комнатку без окон, оснащённую переговорной системой псевдоприсутствия. Флагстад занял ближайшее свободное кресло и жестом пригласил Руна сесть напротив.

– Уверен, у вас много вопросов, – учёный потёр глаза, будто не выспался. – Но хочу сразу предупредить, что смогу ответить не на все. Проект, в котором вам предлагается участвовать, засекречен.

– Вот оно что, – протянул Рун.

Он попытался вспомнить хоть один случай, когда слышал или читал о секретных проектах, но выудил из памяти лишь пару сплетен и обрывки статей в не очень-то популярных изданиях. Ничего удивительного – после технологического скачка двадцать второго века секретность вышла на новый уровень вместе с науками.

– Да, – Флагстад развёл руками. – Я просто не имею права рассказать вам что бы то ни было конкретное, пока вы не согласитесь хранить предстоящий разговор в тайне.

– Не поймите меня неправильно, – сказал Рун, глядя в полуприкрытые глаза собеседника, – но главный вопрос я просто не могу не задать. Не сомневаюсь, вы знаете, что в наш век история как наука почти выродилась. Сейчас почти у каждого человека есть встроенный прямо в мозг Ассистент, дающий круглосуточный доступ к большинству знаний, накопленных человечеством. Профессия историка сегодня устарела почти так же, как некогда устарела профессия хрониста. На плаву держатся только те, кто умеет видеть историю под необычными углами и творчески этим видением пользоваться. Мы теперь ближе к литераторам, которые, к слову, тоже почти исчезли. Я пришёл сюда только потому, что вы написали в своём письме, цитирую: “Нам пригодилась бы помощь такого специалиста, как вы”. Так чем может помочь динозавр от науки корпорации, которая продвигает самые передовые технологии?

Флагстад выслушал речь спокойно, даже слишком – его глаза почти закрылись, из-за чего Рун подумал, что учёный вот-вот заснёт. Но как только Этингер умолк, Флагстад улыбнулся одними уголками губ и ответил:

– Специалиста определяют не только знания, но и умение правильно их применять. С этой точки зрения вы, как историк, один из лучших в мире специалистов.

“Не так уж трудно быть лучшим среди дюжины коллег”, – мысленно хмыкнул Рун.

– Я читал некоторые ваши статьи, – продолжал Флагстад. – Вы превосходно анализируете ситуацию, исходя из имеющегося исторического опыта. Выводы, к которым вы приходите, впечатляют своей точностью. Ваша прозорливость и свежий взгляд – как раз то, что нам нужно. Мы приглашаем вас как эксперта-аналитика, и работа ваша будет заключаться в исследовании исторических данных.

– Исторических? – Этингер изобразил скепсис, хотя его интерес к таинственному проекту только возрос.

– Это не история в полном смысле слова, но почти.

– Значит, ваш проект никак не связан с этой фермой?

– “Эйдженс” занимается не только производством омолаживателей, если вы об этом.

– Можете сказать что-то ещё?

– Только то, что несколько веков назад любой историк душу бы продал за возможность поучаствовать в таком проекте, – снова едва заметная улыбка. – Я не обязываю вас соглашаться на предложение, только выслушать. Но для этого вы должны подписать договор о неразглашении.

Флагстад достал из нагрудного кармана наладонник, снял блокировку и положил на стол. Этингер взял устройство в руки и сделал вид, что читает условия договора, хотя на самом деле и так прекрасно представлял, что в них написано. Просто хотел потянуть время и подумать.

С одной стороны предложение выглядело привлекательно, с другой – Рун лучше многих знал, как вредны для здоровья чужие секреты. Тем более, секреты огромных корпораций. От них следовало держаться подальше, и в то же время страсть к разгадыванию загадок тянула историка окунуться в них с головой.

Этингер глянул на Флагстада, надеясь увидеть в его поведении подсказку к правильному решению. Тот всё больше походил на сомнамбулу и, казалось, игнорировал не только затянувшуюся паузу, но и вообще присутствие собеседника. Вид учёного напомнил Руну лишь давно прочитанную статью с заголовком “Нарколепсия”. Ничего, что могло бы облегчить выбор.

“Да что это со мной? – пронеслось в голове историка. – Мне что, каждый день выпадает возможность поработать над чем-то помимо ковыряния в давно известных фактах?”

Этингер уверенно пролистал соглашение до конца и приложил палец к полю подтверждения. Наладонник тихо пикинул; этого оказалось достаточно, чтобы вывести Флагстада из полусна.

– Надеюсь, вы внимательно прочитали соглашение, – сказал он, убирая устройство обратно в карман. – Потому что даже если не согласитесь, вы до конца жизни будете обязаны хранить эту тайну.

– Я это осознаю.

Флагстад кивнул, и сонливость с него будто рукой сняло.

– Тогда перейду к главному, – он сомкнул руки в замок и положил их на стол. – Наш проект называется “Хронос”. Это устройство реверсивного воссоздания пространства. Говоря простым языком, с его помощью мы собираемся заглянуть в прошлое. В любую точку времени и пространства.

Рун ошарашенно молчал. Флагстад терпеливо ждал, пока смысл сказанного дойдёт до адресата.

– Насколько я знаю, – наконец сказал Этингер, – любые путешествия во времени невозможны. Это доказали ещё в начале двадцать первого века.

– Путешествия – это фантастика, – согласился учёный. – Речь идёт о воссоздании участка реальности. Используя принцип ретропричинности, при помощи сложных гравитационных воздействий мы можем заставить антиматерию двигаться назад во времени и создавать стереоизображения нужных мест. В это сложно поверить, не разбираясь в тонкостях, но мы уже добились определённых результатов. Ваша экспертиза нам нужна для их улучшения.

– То есть... у вас уже есть снимки прошлого?

– Несколько сотен. Но, как я уже говорил, “Хронос” нуждается в серьёзной доработке. Иногда изображение получается точным, даже если обозреваемый миг был несколько лет назад. А иногда снимок вчерашнего дня выходит “засвеченным”.

От последнего слова в мозгу Руна всплыли древние чёрно-белые снимки, которые человечество называло фотографиями и проявляло в специальных комнатах.

– О какой засветке идёт речь?

– Белые пятна. Выглядят, как дыры в стереоизображении. Иногда они имеют формы различных предметов, иногда просто похожи на облака. Мы достаточно долго пытаемся понять, откуда они берутся, но пока безуспешно. Поэтому руководство решило привлечь экспертов извне.

– Так есть и другие? – Рун скрестил руки на груди.

– Двоих мы уже наняли до вас, – Флагстад плавно, как в замедленной съёмке, моргнул. – Но они – технические специалисты, поэтому занимаются в основном анализом самого устройства. Проверяют конструкцию, формулы преобразования, алгоритмы. Оба – специалисты мирового уровня, как и вы.

– Мне придётся работать с результатами экспериментов?

– Да. Вам предоставят всё необходимое.

– А оплата?

Флагстад довольно улыбнулся. Понял: раз речь зашла о деньгах, главное решение уже принято. Рун, к своему ужасу, даже не заметил, как внутренне согласился участвовать в этом фантастическом проекте. Да что говорить – он согласился чуть ли не с первых слов! “Заглянуть в прошлое? Да я ещё сам за это заплачу!”

– Вы сами понимаете, какие перспективы открывает этот проект, – веско сказал Флагстад. – И так же понимаете, почему он засекречен...

– Потому что если “Хронос” заработает как надо, секретов больше не останется, – нетерпеливо перебил Рун. – Если со временем вы сможете извлекать не только изображение, но и звук, придётся выдумывать новые законы, потому что старые точно работать перестанут. Да, я понимаю.

Он, как историк, лучше остальных представлял себе ценность устройства, которое позволит заглянуть под каждый камень. Буквально: можно, например, живьём увидеть Гая Юлия

Цезаря. Или как Леонардо да Винчи рисовал Мону Лизу. Как заложили первый блок в основание Великих Пирамид... Да, заглянуть под каждый когда-либо существовавший камень. Раскрыть каждый нераскрытый секрет. Узнать правду об истории, о каждом её мгновении. Что может быть интереснее?

– Пока нам выделяют столько средств, сколько мы попросим, – продолжал Флагстад. – Финансирование более чем щедрое. Но есть ряд условий, которые нужно соблюдать.

– Надеюсь, мне не придётся жить на ферме, – пошутил Этингер, но, посмотрев на невозмутимого до безразличия учёного, встревожился. – Или придётся?

– Не совсем. Для вас есть квартира неподалёку отсюда. В том же здании поселены другие эксперты.

– Выглядит не так уж страшно. Какие ещё условия?

– В основном рабочие моменты, – Флагстад лениво отмахнулся. – Доктор Этингер, мне нужно знать ваш окончательный ответ.

Рун хотел было взвесить все за и против, но как только на чашу весов упали возможности “Хроноса”, выбор стал слишком очевидным.

– Где нужно подписаться?

Флагстад снова улыбнулся.

– Это всё потом. Когда вы готовы приступить?

– Хоть завтра.

– Отлично, – кивнул учёный и встал. – Я улажу все формальности, чтобы не терять времени. Сегодня соберите всё необходимое. Завтра уже будете ночевать на новом месте. Встретимся здесь, скажем... в десять?

– Без проблем, – Рун тоже поднялся, но замер на полпути к двери. – Подождите. Здесь?

Ответом ему был лишь понимающий взгляд и короткое:

– Вы всё увидите сами.

2

Рун прибыл на полчаса раньше назначенного. Войдя, он сразу отметил у знакомого по вчерашней встрече андроида, и, даже не посмотрев в сторону кресел, начал прохаживаться вдоль стеклянного фасада. При всём желании Рун не высидал бы сейчас и минуты.

Сегодня кто-то отключил рекламную голограмму, и в тишине холла шаги Этингера казались слишком громкими. Он остановился и окинул взглядом террасы, спускавшиеся к воде. В разграниченных мембранами отсеках под защитой полимерной плёнки цвели разнообразные водоросли. Двое работников станции как раз проводили предусмотренные планом замеры, передвигаясь по узким мостикам между бассейнами.

“Хронос” где-то здесь, – думал Рун, скользя взглядом по плантации. – Судя по вчерашнему разговору, иначе и быть не может. Эта местность – самое обычное захолустье. Очень удобно. Да и ферма выглядит достаточно посредственно. На первый взгляд здесь просто негде разместить научный комплекс, и именно поэтому “Эйдженс” спрятали его тут. Провалиться мне, если это не так!”

Размышления историка прервали чужие шаги. Он с готовностью обернулся на звук.

Увидев, что его заметили, Йонас Флагстад остановился.

– Доброе утро, – он вяло кивнул подошедшему Этингеру. – Вы готовы?

Аккуратно одетый, лицом физик выглядел так, словно утро не только не доброе, но и не началось.

– Да.

– Ваши вещи?

– Прибудут в новую квартиру, как только я узнаю адрес.

– Хорошо, – уже отворачиваясь, Флагстад едва заметно пошатнулся. Рун заметил, как на манжете его рукава мелькнул оранжевым датчик – сработал иньектор. Поморщившись, доктор бросил на Этингера прояснившийся взгляд и попросил следовать за собой.

«И правда, нарколептик».

Ступая в двух шагах позади Флагстада, Рун по деталям собирал перед мысленным взором его портрет: мешки под глазами, тяжёлые веки, то и дело норовящие сомкнуться, безразличный вид, время от времени проскальзывающие сонно растянутые реплики.

«Сколько психостимуляторов он принимает, чтобы сохранить свою должность?»

Поравнявшись с мужчиной, Рун спросил:

– Какова ваша роль в проекте, если не секрет?

– Я научный руководитель, – Этингер едва удержался от того, чтобы в упор уставиться на Флагстада. Тот обернулся, кривовато улыбнулся и добавил: – По совместительству ваш непосредственный начальник.

“Похоже, суточная доза стимуляторов и впрямь немаленькая”, – подумал историк, покосившись на невозмутимого учёного.

Они остановились у лифта. Флагстад пропустил Руна вперёд, а сам задержался у сенсорной панели. Оставив отпечаток ладони, он ввёл код и чётко произнёс:

– Уровень Октагон.

Дверь подъёмника закрылась, и Рун ощутил, как пол уходит из-под ног – единственный признак сумасшедшей скорости, с которой кабина понеслась вниз. За шесть секунд, что успел отсчитать Этингер, лифт точно спустился гораздо ниже уровня последней видимой с парковки террасы.

Когда подъёмник остановился, Флагстад, не выходя на площадку распределителя, кивнул на одну из дверей, объяснив, что Руна встретят, а сам набрал новый код и произнёс название другого уровня, которое Этингер уже не расслышал, потому что как раз вошёл в небольшой бокс за указанной дверью. Это был шлюз сканирования. Шагнув на выделенное подсветкой место, Рун замер в ожидании, пока система считывала генетические маркеры, идентифицировала его личность, проверяла тело на наличие незарегистрированных имплантов и собирала данные о физическом состоянии. На выходе из этого шлюза Этингера, как и обещал Флагстад, встретили и препроводили в следующий, где выдали рабочий костюм с минимальным набором функций: терморегуляция, мониторинг жизнедеятельности, передатчик местоположения. Пока Рун переодевался, его данные внесли в базу и закрепили за ним камеру хранения.

Оформление шло до того быстро, что Этингер не успел опомниться, как уже сидел в переговорной и отвечал на вопросы местной трудовой анкеты, подозрительно напоминавшей тест на вшивость. За следующий час он успел ознакомиться с положением об информационной безопасности, подписался под признанием за «Эйдженс-корп» исключительного права на продукты интеллектуального труда сотрудников научного центра, прочёл свод правил поведения в рабочих зонах, устав корпорации и ещё несколько документов из той же серии.

С тяжёлой головой и растущим вместе с усталостью раздражением Рун наконец-то покинул отсек службы безопасности. Следуя полученным указаниям, он спустился на лифте до девятого уровня, где его уже поджидал Флагстад.

– Поздравляю с зачислением в штат “Миллениума”, – проговорил он, пожимая руку новоиспечённому сотруднику, и обернулся к стоявшему рядом пожилому мужчине. – Знакомьтесь.

– Клод Венсан. Лаборант, – старик, стиснув протянутую ладонь сухими узловатыми пальцами, бодро встряхнул её. Рун подивился силе, скрывавшейся в этом хрупком худощавом теле, и назвал своё имя.

– Месье Венсан покажет вам комплекс, – объяснил Флагстад, после чего откланялся.

Лаборант проводил его взглядом и повернулся к Руно.

– Что ж, пойдёмте, – сказал он, приглашающе махнув рукой.

Они вышли из распределителя в коридор, срезанной трубой уходящий влево и вправо. За противоположной стеной, сделанной из ударопрочного стекла, застыл океан. Освещение станции выхватывало из тёмно-зелёного марева прозрачные силуэты медуз, невесомо скользящих в воде.

– Вы родом с севера? – спросил Клод и тут же пояснил: – Этингер – что-то скандинавское.

– Мой отец из Швеции. Мать – англичанка. А я... я успел много где пожить.

– У нас бывали раньше? Во Франции я имею в виду.

– Четвёртый год живу в Орлеане, – улыбнулся Рун.

– О! – Венсан посмотрел с любопытством. – Так вы наверняка *parlez francais*?

– *Oui, bien sûr.*

Старик выглядел очень довольным.

– У вас отличное произношение.

Они миновали несколько секций коридора. Когда проходили первую переборку, Клод обратил внимание спутника на кольцевой блок со сложным механизмом лепесткового затвора и показал, как активировать его вручную, на случай если в центральной системе блокировки случится сбой. Три стальных «лепестка» выскользнули из пазов на внутренней поверхности кольца и вращательным движением сомкнулись в центре, перекрыв коридор.

– В ваш Ассистент уже закачали коды активации? – спросил Венсан, когда они продолжили путь.

– Нет, – Рун немного замешкался с ответом, решив пока не говорить, что обходится вообще без импланта.

– Странно. Советую вам поскорее разобраться с этим. Не будете же вы запоминать их все.

Этингер сдержанно кивнул, посматривая на изредка проплывающих за стеклом рыб. Именно это он и собирался сделать – запомнить все коды, едва ему их выдадут.

Клод остановился у ответвления трубы, перекрытого уже знакомой гермодверью.

– Здесь рабочая зона отдела физики и механики. Дальше – биоинженерный комплекс.

Отперев дверь, лаборант оглянулся на Руна.

– Добро пожаловать.

В сравнении с безлюдным коридором внешнего периметра здесь было оживлённо. Многие из работников центра, проходившие мимо Этингера с его провожатым, приветливо кивали Венсану.

– Вы знаете столько людей, – отметил Рун.

– Просто очень давно здесь работаю, – старик улыбнулся, и его взгляд стал задумчивым.

Пару минут шли в молчании. Миновали четыре двери с не поддающейся расшифровке аббревиатурой. Венсан не уделил им внимания, и Этингер предположил, что это были технические и подсобные помещения.

– На первом уровне расположены два зала для семинаров, – заговорил лаборант, – несколько профильных лабораторий, IT-отдел, комната отдыха и столовая. Здесь мы пройдемся на обратном пути. А сейчас прошу сюда.

Они спустились лифтом на следующий уровень. Клод прошёл очередную переборку с герметическим щитом, сейчас открытую, и остановился на застеклённом смотровом мостике.

– Наше чудо техники, – с гордостью объявил он. – “Хронос”.

Рун приблизился и заинтересованно проследил направление его взгляда.

В центре зала стоял куб с гранью не меньше пяти метров. Перед ним развернулся пульт управления и диагностики со множеством экранов, датчиков и панелей. Из верхней плоскости куба выходили толстые жгуты силовых кабелей. Часть из них была заведена к люкам в полу (“там располагается генератор” – пояснил Венсан), часть тянулась к дальней стене зала. За блоком управления стоял человек, который просматривал показания приборов и заносил данные в планшет. Справа от куба, открыв ревизионную панель, ковырялись в проводах и схемах

электромеханики. Один из них заметил Венсана и взмахнул рукой, приветствуя. Клод помахал в ответ, Этингер же ограничился кивком.

– Это Юрий Воронцов, эксперт-конструктор и ваш новый сосед. За приборной панелью – Этан Лебронн. Он из старой команды. В проекте с самого начала. Если возникают вопросы по физике – это ваш человек, лучше него “Хронос” знает разве что герр Флагстад.

Замолчав, лаборант взглянул на Руна.

– Как вам эта штукавина?

В голосе француза явно слышалась усмешка. Ещё бы! И ему понятно, что Этингер, как историк, вряд ли смог бы оценить всю гениальность технической составляющей “реверсивного воссоздателя пространства” и уж едва ли был тронут внешним видом устройства.

– Размерами впечатляет, – ответил Рун. – Где мне предстоит работать с полученными данными? Здесь?

– Нет-нет. Пойдёмте.

Они покинули мостик и вернулись в коридор. В двадцати шагах от зала с “Хроносом” обнаружился отдел, как значилось на табличке, “обработки и анализа экспериментальных данных”. Им оказалась небольшая вытянутая комната, со смотровым окном во всю стену и терминалом управления перед ним.

– Сейчас время обеда, – заговорил Клод. – На рабочих местах шаром покати. Те трое, которых мы видели – не в счёт. У них своё расписание. Доступ к “Хроносу” строго регламентирован.

Рун покосился на два офисных кресла, стоящих “локоть к локтю” перед терминалом.

– Здесь только одно рабочее место?

– Аналитик занимает его, когда появляются новые материалы. Сейчас генерирование слепков приостановлено. Так что пока это целиком ваш офис. Кроме тех редких случаев, когда вам двоим придётся работать одновременно... Сегодня после обеда Рэми введёт вас в курс дела, объяснит управление, а пока взгляните лучше сюда.

Венсан отворил дверь в смежное помещение, куда выходило смотровое окно. Это оказался просторный и совершенно пустой зал, с восемью проекторами, расположенными по углам.

– На терминал поступают для изучения и последующей архивации оцифрованные слепки пространства, которые генерирует “Хронос”. А здесь слепок можно детально рассмотреть в 3D-проекции. В натуральную величину и в масштабе.

Рун почувствовал, как в груди зажгло нетерпение, почти что мальчишеский азарт. Он хотел бы приступить прямо сейчас. В голове уже начал оформляться список исторических эпизодов, в которые Этингер с удовольствием бы заглянул и изучил на предмет возможных несоответствий с официальной версией, но здоровый скепсис подсказывал ему, что работать придётся с тем, с чем позволят.

– Вижу, здесь вам нравится больше, чем на мостике, – Венсан верно истолковал оживившийся взгляд историка.

– Просто здесь, наконец, стало проясняться, как будет выглядеть рабочий процесс.

– Уверен, вы быстро освоитесь, – Клод сдвинул рукав и посмотрел на часы.

У Руна бровь поползла вверх, когда он увидел дисплей-браслет. Эта модель была ещё старше его коммуникатора!

Узнав время, лаборант предложил подняться обратно на девятый уровень и пройти до зоны отдыха.

– Думаю, там мы встретим ваших будущих коллег, заодно представлю вас друг другу.

В кафетерии Рун взял себе чай и пару фруктовых галет. Они с Клодом нашли свободные места за одним из длинных столов и, негромко разговаривая на отвлеченные темы, принялись за еду.

Этингер справился раньше и теперь сидел, неспешно допивая чай и осматриваясь. Благодаря выбранной цветовой гамме, помещение казалось весьма просторным. Белые стены, деревянная обшивка, напоминавшая борта старинной яхты, цветовые акценты от морского синего до светлого петролевого, под потолком растянута канатами “парус” с подсветкой.

В столовой в это время былолюдно. Едва место рядом с лаборантом освободилось, его тут же снова заняли. В очередной раз проскальзывая взглядом по предметам и лицам, Рун заметил худощавую брюнетку, сидевшую за этим же столом через два человека от Венсана. У неё были густые мягко выющиеся волосы до плеч с выкрашенной в красный цвет прядью, смуглая кожа, и до странности знакомая манера хмуриться: когда одна бровь изгибается, а уголок губ слегка уходит в сторону. Уникальная мимическая композиция, которую Рун, как и множество других хоть однажды отмеченных им деталей, помнил совершенно чётко.

– У вас всё в порядке? – Клод проследил взгляд Этингера и оживился. – Ах, надо же! Госпожа Канзи!

Брюнетка вздрогнула, отвлекаясь от планшета, на котором что-то читала, так неповторимо и забавно хмурясь.

– Месье Венсан, – она улыбнулась, и ямочки на щеках окончательно развеселили Руна, примерявшего образ угловатой девчонки, учившейся с ним пару семестров, к привлекательной женщине, в которую она превратилась. – Добрый день.

– Подсаживайтесь к нам, – позвал Клод и обратился к соседу: – Не могли бы вы поменяться местами с дамой? Большое спасибо.

– Это Амина Канзи, – представил он сотрудницу центра, когда она заняла освободившийся стул. – IT-специалист и приглашенный эксперт.

– Мы знакомы, – кивнул Рун и, видя, что Амина растерялась, поспешил сгладить неудобство: – Рун Этингер. Мы вместе учились в университетском колледже Бирмингема. Второй и третий семестры. Потом ты перевелась. Куда-то...

Лицо Амины просветлело, и она подалась вперёд, с интересом разглядывая бывшего однокурсника.

– Руннигер! – радостно выдала она. – Тебя не узнать!

Этингер усмехнулся, вновь переживая почти позабытое чувство – смесь досады и смущения.

– Да, ты меня так называла, хотя мне...

– Не нравилось.

– И я просил...

– Этого не делать.

– И...

– Не перебивать тебя.

Рун умолк. Он смотрел на разительно изменившуюся Амину Канзи, как он её определил для себя в годы учёбы – “вечную пацанку”, – и думал о том, что характером эта бестия осталась прежней. Правда, её подколы больше не раздражали Этингера. Повзрослел, наверное. Его губы сами собой растянулись в улыбке.

– Теснота этой планеты не перестаёт меня удивлять, – покачал головой Венсан.

Амина одарила Руна тёплым взглядом и поднялась.

– Мне пора бежать. Но мы ещё обязательно встретимся и поболтаем, Рун.

– Конечно.

– Месье Венсан, герр Этингер, хорошего дня! – Канзи присела в шутливом книксене.

– И вам, мадемуазель. И вам.

Рун поглядел ей вслед, в три глотка допил остывший чай и отставил чашку. Лаборант смотрел на него, лукаво шурясь.

– Я предполагал, что вы быстро освоитесь. Но вы прямо рекордсмен.

Историк пожал плечами.

– Сам от себя не ожидал.

3

Едва Рун получил ключи доступа, работа поглотила его с головой. Следующие несколько дней он засиживался допоздна, просматривая уже готовые слепки. В выделенную корпорацией квартиру он возвращался затемно и чуть свет покидал её наутро. Этингер почти не видел соседей и коллег, просто потому что большую часть суток проводил в смотровой. Да, ему очень нравилась новая работа.

Поначалу смотреть на картинки прошлого было не то что непривычно – дико. Проекторы последней модели давали картинку настолько точную, что при включении очередного слепка смотровая словно перемещалась в другое измерение. В подлинность этих снимков не верилось хотя бы из-за их качества.

Однако несколько часов спустя историк добрался до калибровочных слепков и перестал удивляться чёткости изображения. Настало время удивляться точности самого “Хроноса”.

Каждый экспериментальный снимок имел две даты: настоящую (время создания снимка) и изображаемую. Рядом с ними фиксировались условные координаты заснятого места. Рун нашёл два снимка, отличавшихся только одним из этих трёх параметров – настоящей датой. Слепки выглядели абсолютно одинаково и даже размер самих изображений совпадал с точностью до байта. При всём недоверии Этингера к столь сомнительным технологиям, вывод был очевиден: “Хронос” идеально откалиброван.

Если, конечно, никто не подтасовал результаты экспериментов.

Флагстад говорил правду: один снимок имел изображаемую дату аж десятилетней давности и выглядел отлично. Другие, более свежие, шли пятнами.

Рун быстро установил закономерность: “недавние” запечатлённые моменты получались намного чаще, чем находящиеся в далёком прошлом. Это походило на погружение в морскую пучину – чем глубже, тем хуже видимость. Исторiku даже показалось, что “Хроносу” попросту не хватает мощности, чтобы заглянуть дальше в прошлое.

На третий день Рун решил доложить о своих наблюдениях Флагстаду. Тот терпеливо выслушал историка, вздохнул и сказал:

– Это уже давно не новость. Зависимость качества снимка от дельты по времени мы установили ещё на стадии первичного тестирования.

– А нехватка мощности?

– Такая версия тоже уже была. Её выдвигал месье Венсан. Ни вы, ни он не являетесь физиками, поэтому можете не знать, но у “Хроноса” нет такой характеристики, как мощность. Он затрачивает одинаковое количество энергии при возврате на секунду и на миллион лет назад.

– Так может в этом и проблема?

– Вы не понимаете. Не важно, как далеко по временной шкале лежит конечная точка, успех зависит не от этого. Иначе качество снимков ухудшалось бы равномерно, а не случайным образом, как сейчас. Поверьте, знай вы теорию, отменили бы эту мысль с порога.

– Я думал, мы – эксперты – здесь как раз для того, чтобы предполагать самое невероятное. Помочь посмотреть на все детали под другим углом.

Руководитель проекта холодно улыбнулся.

– Мы пробовали изменить некоторые физические параметры, чтобы удостовериться. Это привело только к необходимости заново провести калибровку, потому что все настройки сбились. В итоге качество экспериментальных данных не изменилось, зато возросла цена обслуживания. Так что проблема не в мощности, доктор Этингер.

После этого разговора запал Руна поугас. Стало ясно, что для обнаружения дефектов “Хроноса” придётся проявить недюжинное терпение, а оно, к сожалению, не было сильной стороной историка. И всё же возможность прикоснуться к тайнам прошлого стоила любых усилий. Поэтому Рун, глубоко вздохнув, начал рассматривать снимки внимательнее.

В тех, как назло, не было ничего, за что придиричивый взгляд историка мог бы зацепиться. Какие-то уличные кадры, на первый взгляд абсолютно случайные; фрагменты пустого пространства; комната, в которой от снимка к снимку менялись местами расставленные на полу предметы; несколько кадров с морского дна; фрагменты разных предметов, не полностью помещённых в “кадр” и много ещё чего. Большинство этих данных Рун не мог проверить потому, что они устарели: не существовало никаких вещественных доказательств того, что всё выглядело так, как изображено на снимке. Недостаток информации ещё больше усложнял и без того непростую задачу.

Как следует покопавшись в виртуальном каталоге, историк обнаружил детальные отчёты по некоторым экспериментам, но они ничем не помогли – белых пятен на тех снимках не было. По самым интересным кадрам информации не обнаружилось. Мысленно обругав корпоративных работников за бардак в документах, Рун открыл один из интересующих его снимков и выловил из дополнительной информации имя ответственного за опыт инженера.

“Арджун Крипалани”.

Этингер полез в директорию персонала, намереваясь связаться с этим человеком и спросить, что вообще изображено на снимке и почему этой информации нет в отчёте. Но на его запрос система вдруг выдала: “По данному имени совпадений не найдено”. Историк хмыкнул, перепроверил введённое имя и запустил более гибкий поиск. Тот же результат. “Наверное, какая-то ошибка”, – подумал Этингер и взялся за другие снимки.

Но имя несуществующего инженера всплыло ещё несколько раз, и Рун насторожился. Получалось, что этот человек достаточно долго работал с “Хроносом”, но в базе “Миллениума” о нём не было ни слова. Во всяком случае, Этингеру так и не удалось ничего накопать. Историк ещё не успел как следует вникнуть в бизнес-процессы “Эйдженс корп”, но у него в голове не укладывалось, как такое может быть. Чувствуя во всей этой ситуации какой-то подвох, Рун решил пока не торопиться с выводами и работать по другим направлениям.

Остаток рабочего дня и следующее утро историк потратил на попытки выявить причину появления белых пятен. Он осматривал их так и эдак, составлял хронологию, сопоставлял координаты испорченных снимков и вообще применял все известные ему способы анализа, но так ничего и не добился. Каждая новая идея рано или поздно возвращала Этингера к исходной неизвестности. Тайна загадочных дефектов оставалась неприступной, и чем дальше, тем сильнее Руном овладевало ощущение, что он идёт по лабиринту, в котором есть только тупики – и ни одного выхода.

4

Когда настало время обеда, Этингер закрыл очередной снимок и в глубокой задумчивости поплёлся в столовую. Боевой настрой был подорван, но сдаваться историк по-прежнему не собирался. Напротив, на место адреналиновых взрывов пришла холодная сосредоточенность, и если организм Руна нуждался в обеденном перерыве, то мозг его не прекращал работать ни на секунду. Даже во время еды историк мысленно изучал отсмотренные снимки – благо, его память позволяла делать ещё не такое.

Он не замечал никого и ничего вокруг, пока не получил ощутимый толчок в плечо.

– Клянусь Великой Виртуальностью, ты ничуть не изменился, – сказала Амина. – Начал что-то вспоминать – и всё, “мы его потеряли”.

Канзи сидела рядом и смотрела на Руна, изогнув бровь. Тот сразу же переключился на недавние воспоминания и понял, что айтишница под села с полминуты назад и всё это время пыталась его дозваться.

– Извини, – смутился Рун, сам не зная почему. – Ничего не могу с этим поделать.

– Ещё не лишился своей суперпамяти? – Амина отхлебнула из кружки. – По-прежнему помнишь всё?

– Каждую секунду. – Историк скривил рот в подобии улыбки. – И это не суперпамять, а...

– Гипертимезия, да, – отмахнулась Канзи. – Вот так же ты и в колледже всех поправлял.

– А ты так же всех перебивала, – ядовито ответил Рун. – Знаешь, как это бесит?

– А то! – Амина откусила от яблока и продолжила с набитым ртом: – Если бы ты видел своё лицо в такие моменты, сам бы себя перебивал!

Этингер собрался было ответить очередной колкостью, но в последний момент рассмеялся. Несмотря на некоторую беспардонность, Амина была скорее непосредственной и забавной, нежели стервозной. Правда, в юности Рун не мог оценить этого качества по достоинству – гордость мешала.

– А что случилось с твоей роскошной рыжей шевелюрой? – продолжала Канзи. – Как будто инеем покрылся!

– Я рано начал седеть.

– Ого. И до такой степени? Время беспощадно.

– Да к чёрту время. Как только седые волосы стали видны невооружённым глазом, я обесцветился.

– Свежее решение. Обычно седину наоборот закрашивают.

– Потому что обычно её считают признаком старости. А я ещё хоть куда! – Рун демонстративно расправил плечи.

На этот раз рассмеялась Амина. На её щеках на несколько секунд появились милые ямочки.

– Тебе всего тридцать восемь, обалдуй! Никто и не подумал бы называть тебя старым!

– Вообще-то пока тридцать семь. И я намерен выглядеть на тридцать с хвостиком как минимум до семидесяти.

– Самонадеян, как всегда, – Канзи покачала головой. – Скажи мне, белоголовый, как продвигается твоя работа над “Хроносом”? Чем ты вообще тут занимаешься?

Мысли Руна вернулись к работе, и поднявшееся было настроение тут же упало до прежней отметки.

– Я аналитик. Анализирую экспериментальные данные.

– Как и я, ищешь, откуда эти дырки на снимках. – Амина вздохнула. – И что, получается?

– Пока не особо. Сплошные тупики.

– У меня то же самое. Нашла несколько недочётов в коде хроносовского софта, но на этом всё. Результаты не улучшились. Софтинка-то не из самых сложных, я видала и запутаннее системы... Так что мне чем дальше, тем больше кажется, что проблема не в программном обеспечении.

– Меня касательно экспериментальных данных такие же мысли посещали. Была одна зацепка, интересный снимок, но отчёта по нему нет, а ответственного инженера я в базе не нашёл. Как будто его и не существовало вовсе.

– Арджун Крипалани?

Рун с удивлением посмотрел на собеседницу.

– Да, он. Откуда...

– Я тоже натыкалась на это имя в технической документации, – снова перебила Амина и задумчиво добавила: – И тоже ничего про него не нашла.

– И тебе тоже это кажется странным?

– А то! Информация по другим бывшим сотрудникам хоть и закрыта другим уровнем доступа, но есть, а по нему вообще ничего. Как будто его аккуратно из базы... вычистили.

– Но имя-то в документах осталось.

– А что имя? Думаешь, есть только один Арджун Крипалани на весь белый свет? Без личного файла невозможно сказать, кто этот человек.

– А жаль, – угрюмо вздохнул Рун. – Судя по всему, он мог бы чем-то помочь.

– Я бы на твоём месте не стала задавать о нём вопросы, – осторожно сказала Амина.

– Тёмная история, согласен. Но как тогда заставить “Хронос” работать правильно?

– Тебе это так важно?

– А тебе – нет?

– Да я в основном из-за денег нанялась. Но и интересно было чуть-чуть, это да.

– А я – историк, и потому согласился только из-за перспектив “Хроноса”, – Этингер чуть повысил голос и даже начал жестикулировать от волнения. – Представь, сколько всего мы можем выяснить о прошлом человечества. И не только человечества – планеты, вселенной! Мы воочию увидим всё, что раньше было лишь домыслами! Прошлое будет у нас как на ладони, протяни руку – и прикоснись. Любое мгновение, любое место. А уж какой рывок вперёд совершат науки... Это же стоит всех чудес вместе взятых!

Амина смотрела на Руна задумчиво и даже будто понимающе.

– Вижу, тебя всё это и впрямь вдохновляет.

– Не то слово, – сказал Этингер, успокаиваясь.

Ему стало немного неловко, что он так распалился перед старой знакомой. “Как бы она не сочла меня чокнутым фанатиком, – подумал Рун, одёргивая себя. – Как-то совсем не здорово оставлять такое мнение о себе после первого же разговора”.

Этингер украдкой глянул на собеседницу: та невозмутимо доедала обед и казалась разве что чуть более задумчивой, чем прежде. И всё же он решил сменить тему. На всякий случай.

– Ты живёшь прямо надо мной, – сказал Рун, и, поймав на себе растерянный взгляд Амины, пояснил: – Заметил надпись на звонке.

– Так вот кто въехал в те апартаменты! – Канзи хлопнула себя по коленке. – Если бы не зажигающийся по вечерам свет, я бы до сих пор думала, что они пустуют.

– С головой ушёл в работу, – историк виновато пожал плечами. – Да и беспокоить тебя лишний раз не хотел. Я всё-таки приходил поздно, уходил рано и...

– Ну и напрасно! – Амина фыркнула. – В этом захолустье из развлечений только старинный бар, да и тот закрывается в полночь. За всем остальным нужно ехать как минимум в Кемпер.

– А ты, значит, любительница оторваться?

– Вообще-то не очень, но скука творит с людьми удивительные вещи.

– Видимо, не со всеми, – подхватил Рун. – Все кто здесь работает как будто...

– Гики, – кивнула Канзи, от чего её ярко-красная прядь соскользнула на лицо. – Говорят только о работе, как помешанные. Нормальных шуток никто не понимает. Разве что этот русский, который тоже эксперт, но он какой-то зажатый.

– Вот и мне так показалось. А ещё Венсан выглядит весёлым дедулей.

– Да, он душа. Но с ним тоже на равных не пообщаешься. Так что я очень рада, что у меня – наконец-то! – появился сосед с чувством юмора.

Амина легко улыбнулась, и Руна почудилось, что её взгляд задержался на его лице чуть дольше необходимого.

– Я тоже рад. Не терпится узнать, где ты пропадала все эти годы.

– Обязательно поговорим об этом в нерабочее время, – Канзи поспешно поднялась. – Мне уже пора. Если что, ты знаешь, где меня найти. Чао!

И она ушла, а Рун, сам того не заметив, улыбнулся ей вслед.

Он покончил с едой и пошёл обратно в смотровую, но уже без особого желания. Разговор с Аминой вернул историка в реальность. При мысли об ещё одном дне в безликой комнате с голографическими проекторами Руна передёрнуло. За последние несколько суток он вглядывался в слепки так долго, что пресытился этим занятием. Поэтому, желая потянуть время, Этингер замедлил шаг и начал оглядываться по сторонам.

В дверях столовой ему встретился Юрий – Рун поздоровался, но тот в чисто русском стиле лишь хмуро кивнул в ответ и прошёл мимо. У гермодвери в рабочий сектор о чём-то спорили два молодых инженера, которые перешли чуть ли не на шёпот, когда историк приблизился. Он уже привык к недоверию со стороны персонала “Миллениума”, но не удержался и пошёл ещё медленнее. Инженеры замолчали, дожидаясь, когда заторможенный эксперт покинет зону слышимости. Боковым зрением Рун видел, что они провожают его взглядами, и внутренне усмехнулся. “Как будто мне есть дело до их секретов”.

Этингер повернул за угол и нос к носу столкнулся с Этаном Лебронном и офицером Ноа Валлтери, которые беседовали вполголоса, неспешно прогуливаясь по коридору. Физик посмотрел на Руна исподлобья, натянул излишне вежливую улыбку и поздоровался. Глава службы безопасности ограничился одним долгим взглядом, от которого по спине историка пробежал холодок. Так всегда происходило, когда их взгляды пересекались. Несмотря на внешнее спокойствие, Ноа чем-то походил на голодного тигра, готового к прыжку. Пожалуй, он был единственным в “Миллениуме”, с кем Этингер не желал встречаться ни по какому поводу.

Рун поспешил к лифту, и тут его нагнал месье Венсан, который вошёл в кабину почти одновременно с историком.

– А, герр Этингер! Добрый день, – лаборант приятно улыбнулся. – Как прошли первые рабочие дни? Всё ли вас устраивает?

– Спасибо, всё замечательно, – Рун пожал протянутую руку. – Мне здесь нравится.

– Наверное, даже больше, чем в новых апартаментах, – сказал Венсан и, заметив вопросительный взгляд историка, добродушно пояснил: – Вчера вы ушли с работы затемно.

– Да, есть такое дело, – рассмеялся Рун. – Но дело не в квартире, нет. И, сказать по правде, сегодня я собираюсь уйти пораньше.

– Вы не первый, кого этот проект настолько увлёл, – лаборант понимающе кивнул. – Но делу время, а потехе час. Всем нужно отдыхать.

Двери лифта открылись на нужном этаже и мужчины вышли.

– Но если в пределах “Миллениума” вам что-то понадобится, то можете смело обращаться ко мне, – сказал Венсан после короткой паузы. – Герр Флагстад поручил мне помогать новым работникам с любыми запросами.

Рун тут же вспомнил о таинственном инженере, имени которого нет в базе. Сам историк ни за что не заговорил бы о нём, но тут просто грех было не воспользоваться случаем.

– Знаете, вообще-то есть кое-что, – сказал он, когда лаборант уже развернулся, чтобы уйти. – Я копался в экспериментальных данных и наткнулся на одно имя... Аржун Карипани, кажется?

Разумеется, Этингер точно помнил имя и ошибку сделал нарочно. Но реакция месье Венсана тут же избавила его от необходимости притворяться дальше.

Лицо лаборанта приобрело печальное выражение, и весь он как будто ссутулился, от чего наружу проглянул его истинный возраст. Месье Венсан был очень стар.

– Арджун Крипалани, – поправил он. – Это бывший руководитель проекта. Он стоял у самых истоков “Хроноса”. Его, к сожалению, уже нет в живых.

– Вот как?! – Рун удивился не так сильно, как показал. – Что случилось?

Лаборант нахмурился, будто сомневаясь, стоит ли рассказывать подробности.

– Его убила аневризма, – сказал он, помолчав. – Во всяком случае, так говорят. Его смерть не стали афишировать, сами понимаете... Такие новости деморализуют людей. Герр Флагстад сказал, что у господина Крипалани было редкое генетическое заболевание, о котором тот предпочитал молчать. Якобы оно истончало сосуды, и летальный исход был только вопросом времени...

“Летальный исход – всегда вопрос времени” – подумал Рун, но вслух сказал другое:

– Вы говорите так, будто сомневаетесь в этой версии.

– Не знаю, герр Этингер, – Венсан сокрушённо покачал головой. – Несмотря на высочайшую степень защиты, мы работаем не в самом безопасном месте. “Хронос” – это ни больше, ни меньше, чем дверь в новую эпоху, и поэтому многие хотели бы обладать его секретами, – старик вдруг понизил голос, и в его глазах мелькнул испуг. – Я просто не хочу строить никаких предположений.

Рун не совсем понял, что Венсан хотел сказать последней фразой, но прозвучала она жутковато.

– Всё, что я знаю – господин Крипалани был сам не свой в последние пару дней, – продолжал лаборант. – Засиживался допоздна, почти ни с кем не разговаривал... Может, и правда чувствовал приближение смерти.

– Давно это случилось?

– Недель за пять до вашего появления здесь. Он был замечательным человеком. Приветливым. Честным... – голос старика дрогнул, и на него стало вовсе жалко смотреть.

– Простите, месье Венсан, я не хотел вас расстраивать, – совершенно искренне сказал Рун, не ожидавший от лаборанта такой ранимости. – Простите моё любопытство. Я надеялся, что разговор с господином Крипалани кое-что прояснит в моей работе. Видимо, придётся искать другие пути.

– О да, если кто-то и знал о “Хроносе” всё, так это был Арджун Крипалани, – кивнул Венсан и вздохнул. – С его уходом работа над проектом почти встала и не сразу вернулась в прежнее русло. Но, может быть, вам сможет помочь герр Флагстад? Он ведь был главным помощником господина Крипалани.

– Я обязательно обращусь к нему, спасибо, – улыбнулся Рун, отметив про себя, что новый руководитель проекта и словом не обмолвился о своём предшественнике. – И ещё раз простите, месье Венсан.

– Да, не берите в голову, – старик махнул рукой и печально улыбнулся. – Это я стал излишне чувствительным. Годы берут своё, знаете ли. Всего хорошего, герр Этингер.

– До свидания.

Лаборант ушёл, а Рун продолжил путь в смешанных чувствах. Разговор с Венсаном встревожил его – теперь историку казалось, что в “Миллениуме” совершенно точно происходит нечто подозрительное. Внезапная смерть инженера, о которой даже местный завхоз не знает подробностей – это, по меньшей мере, странно. Со слов лаборанта выходило, что Крипалани был главным специалистом и чуть ли не идейным вдохновителем всего проекта. И ещё подозрительнее, что его личные данные исчезли из базы, будто он никогда тут и не работал.

“Амина права, – подумал Этингер. – Лучше не лезть в это дело. Уж слишком дурно от него пахнет. Да и вообще, надо отвлечься. Уйду-ка и впрямь пораньше, выплусь как следует и завтра подумаю обо всём этом на свежую голову”.

5

Старинный поезд нёсся вперёд, стучали колёса на стыках рельс, поскрипывали деревянные панели обшивки. Рун сидел на самом носу и наблюдал, как исчезают под локомотивом

шпалы. Они мелькали так быстро, что не было ни малейшей возможности отличить одну от другой, всё сливалось в размытое полосатое полотно с направляющими рельс. Рун знал, что так будет всегда – потому что этот поезд никогда не замедлит ход.

Казалось, это продолжается целую вечность. Новые участки железной дороги выныривают из тумана и исчезают под локомотивом, дым из котельной обволакивает состав, хвост которого теряется всё в том же мутном мареве. И стук, равномерный, ритмичный, так похожий на удары разошедшегося сердца, настойчиво лезет в уши, добирается до самих мыслей.

К этому звуку невозможно было привыкнуть. Рун вслушивался в него, надеясь расслышать нечто скрытое, сакральное, но добился лишь того, что негромкое постукивание стало отдаваться в ушах оглушительным грохотом. Истина так и не открылась ему. “Может и нет никакой истины?” – подумал он, глядя перед собой. Локомотив пожирал шпалы, грохотали колёса, а поезд мчал и мчал всё дальше, стремясь настигнуть отступающую полосу тумана.

Со стороны пустой кабины машиниста вдруг раздался пронзительный свист, Рун резко обернулся и...

Глаза распахнулись и уставились в крошечную темноту. Рука Этингера стискивала простыню, а сердце ухало в груди, как сумасшедшее.

Ледяные мурашки ещё бегали по спине, пока он приходил в себя и пытался понять, откуда взялось навязчивое чувство тревоги. Внезапно его осенило – уже четвёртый раз срабатывает звонок дверного коммуникатора. Рун посмотрел время: пол третьего ночи. “Чтоб вас каждую ночь так поднимали, террористы коридорные” – зло подумал он, садясь в кровати. Датчики отреагировали на движение, и в углах комнаты зажглась тусклая ночная подсветка. Потерев лицо, Этингер нехотя поднялся и направился к двери, на ходу поправляя пижаму. Он ещё тешил себя надеждой, что незваный гость не дождался ответа и ушёл, но звонок снова запиликал. “Вот и выспался”. Рун скрипнул зубами и провёл ладонью по двери, делая её прозрачной со своей стороны. По ту сторону стояла Амина. Она переступала с ноги на ногу и нервно теребила рукав рубашки. Хмыкнув самому себе, раздражённый историк отворил дверь со словами:

– А ты решила не откладывать встречу в долгий ящик, да?

– Услышал! Фух, – Канзи облегчённо выдохнула. – Надо поговорить.

И она вошла без спроса. Этингеру не оставалось ничего, кроме как пропустить гостью и закрыть дверь. Подавив раздражение, он извлёк из себя остатки вежливости:

– Пить что-нибудь будешь?

– Ай, нет, – отмахнулась Амина, но тут же передумала: – Хотя кофе не повредил бы, пожалуй.

– Кофе? – Рун усмехнулся. – Ты и без него искришь. Может, чашечку молока с мёдом?

Канзи одарила историка тяжёлым взглядом и простионала:

– Издеваешься? Я ещё не ложилась. Молоко с мёдом – это как раз то, чего мне не хватает до отключки.

Этингер сдался, подумав мимоходом, что издевается здесь точно не он. Через минуту айтишница получила свой кофе и села за стол, а Рун занял место напротив.

– Говори, с чем пришла, – потребовал он, откидываясь на спинку стула. – Жутко интересно, что по твоему мнению дороже моего сна.

– Уж поверь, это – дороже, – с нажимом ответила Канзи. – Я сегодня попыталась найти нашего таинственного Крипалани, и...

– Стоп, – прервал её Этингер. – Ты же сама говорила, что лучше не задавать о нём вопросов. Что изменилось?

Амина пожала плечами.

– Просто я подумала, раз уж мы участвуем в таком потрясающем проекте, преступлением будет уйти ни с чем. И если этот Арджун Крипалани может как-то сдвинуть дело с мёртвой

точки, то надо хотя бы попробовать его разыскать. В общем, убедил ты меня сегодня... то есть вчера, – Канзи умолкла и уткнулась носом в чашку, избегая смотреть на историка.

Рун скрестил руки на груди, возмущенно глядя на авантюристку. Это кто теперь будет виноват, если её раскопки выйдут боком? Но на самом деле ворчать Этингеру резко расхотелось, потому что внутри у него заворочался тёплый пушистый комочек от этой коротко изложенной мотивации, настолько подкупающей своей созвучностью с его мыслями.

– Мне продолжать? – Амина поставила чашку на стол.

Историк повёл плечом.

– Валяй.

– Надо же, сколько пренебрежения! Ты просто не представляешь себе, что я нарыла. Иначе не выпендривался бы, – пробурчала она. – В общем, я решила, раз ничего не удаётся найти в “Миллениуме”, то стоит поискать “в миру”. В базе миграционной службы уж точно что-то должно было быть, раз Крипалани бывал на территории Франции. Я ограничила поиск пятьюдесятью годами – так, на всякий случай, чтобы нужный нам Арждун не ускользнул. Выборка по имени дала тучу результатов... – Канзи осеклась и с угрозой в голосе спросила: – Что это за взгляд, Руннигер?

– Ты еще и хакерством промышляешь, – Этингер покачал головой, старательно пряча улыбку. Он понятия не имел, какой там взгляд почудился Амине.

– И что теперь? Как я, по-твоему, стала востребованным специалистом?

– Молчу и слушаю, – Рун поднял руки в знак капитуляции, совсем не желая злить хакершу, но от колкости всё равно не удержался: – Кофе точно был лишним.

– Что-то мне подсказывает, что я сейчас попрошу второй, – с прищуром сказала Амина.

Рун уже было открыл рот, собираясь осадить нахалку, когда поймал себя на том, что продолжает эту пикировку из чистого удовольствия. Выводить людей из себя всегда было коньком Амины, но едва поменявшись с ней местами, Этингер быстро вошел во вкус. К тому же ему нравилось наблюдать за реакциями Канзи. Чем дальше, тем больше. Её подвижное лицо, отражавшее малейшую смену настроения, притягивало взгляд Руна.

Задумавшись, Этингер не сразу обратил внимание, что Амина продолжила рассказ.

– Я проредила список: отсекала всех, кто не подходил по возрасту и роду занятий. В конце отбора остались четверо. К ним я уже присмотрелась внимательнее, поискала в общедоступных источниках инфу: образование, карьера, место проживания... И тут он попался мне прямо в руки, упал, как спелое яблочко. Физик-испытатель, две научные степени, фанатик от науки. Оставалось только подтвердить его связь с “Миллениумом”. Или хотя бы вероятность такой связи. Я начала сколачивать по нему досье: чем живёт, где живёт, как живёт, есть ли родственники; пробила банковские счета и страховки... Потом присмотрелась ко всему вкуче – и вот тут проступили странности. Из семьи у него только родители и младший брат, живут они за границей. Сам Крипалани давно прописан в Нанте, но годами там не появлялся. При этом с одного его счёта исправно отчислялась квартплата, взносы в городскую коммуны и страховой фирме. Средства ежемесячно пополнялись в первых числах – он получал зарплату. До недавнего времени. Около месяца назад счета закрыли. Новых, как ты уже, думаю, догадался, Крипалани не завёл.

Рун слушал Амину, не перебивая, хотя уже знал, к чему она в итоге придёт.

– Я помучилась ещё некоторое время за поиском хоть каких-нибудь следов его общественной, сетевой – личной жизни, наконец! – ничего. И тогда я открыла международный список пропавших без вести. Угадай, чьё имя там появилось несколько дней назад?

Этингер нахмурился. Такого поворота он не ожидал. Получалось, что «в миру» о смерти учёного вообще не знали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.